

Ксандр Лайсе

Моя любимая сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7321237

Ксандр Лайсе. *Моя любимая сказка: Skleněný můstek s.r.o.; Karlovy Vary; 2014*
ISBN 978-80-87940-22-8

Аннотация

Их встреча стала одной из тех случайностей, которые навсегда меняют судьбы людей, соединяя две одиноких жизни в сердце гигантского мегаполиса – в одну. Но ни он, ни она не могли даже предположить, в какой кошмар превратится прекрасная, романтическая история их любви, каким потусторонним ужасом обернется внезапно обретенное счастье. Но способна ли человеческая любовь выдержать такие испытания? И если да – то какую цену придется за это заплатить?

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ксандр Лайсе

Моя любимая сказка

Все права автора охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Вместо предисловия

У входной двери – сгорбленная старушечья спина. Со стороны может показаться, будто старуха смотрит в глазок. Но когда старуха поворачивает голову, словно прислушиваясь к чему-то, происходящему снаружи, становится заметно, что её глаза закрыты. На бледном сухом лице появляется улыбка, и вдруг, не глядя в глазок, она начинает щелкать замками. Хотя никто так и не позвонил. Дверь распахивается. На пороге – молодой парень в свитере и кожаном пиджаке. Он даже вздрагивает от неожиданности, и с его плеча на пол соскальзывает спортивная сумка.

– Здравствуйте, – голос у парня низкий, уютный, но какой-то грустный. – Вы – Клавдия Васильевна?

– Она самая, – голос старухи похож на её лицо: такой же сухой, ломкий.

– Я вам звонил...

– Знаю, – старуха говорит недобро и как-то нетерпеливо.

– Мне, – парень стушевывается. – Я раньше с такими вопросами ни к кому...

– Знаю, – прерывает его старуха. – Глеб тебя зовут. Насчет своей девушки, Ярославы пришёл. Все помню, из ума пока не выжила.

– Мне говорили, вы просто чудеса творите...

– Чудеса? – старуха смеется. Сухой, щёлкающий смех. – Раньше за такие чудеса где на кострах, а где в банях жгли... Ну, чего смотришь?! Заходи.

Глава 1

Бабье лето. А почему именно бабье? Причём тут вообще бабы? Ни при чём, наверное... Вот и по радио – с поразительной актуальностью запустили одноимённую песенку Владимира Семёновича.

Всем хорошо – тепло, а не жарко. Комары и прочая крылатая пакость остались в июле, осенних дождей пока ещё не предвидится. Опять же, туристы сократились. Видимо, решают, в чём ехать: шорты уже поздно, куртки – рано. Хотя, если бы мне довелось выбирать, когда отправляться в путешествие, я бы выбрал именно начало сентября... Но я-то с опытом... И потом, я вот столпотворения не люблю, а кому-то может быть так уютнее. Как человек толпы. Но тот придуманный был. А в жизни они бывают? Наверное... Как и отшельники. Идиоритмики, так сказать...

Чёрт! Ну, сколько ж можно садиться в трамвай?! Вроде бы час пик закончился, а на дороге – бог знает что! Ну, вот куда ты на своей «таврии»?!

Как летом хорошо было! Пробочки – такие чисто номинальные. Все по отпускам, по дачам-заграницам. А теперь пока до дома доедешь – часа полтора постоишь. Ладно бы ездить умели... Этот дед на «таврии», он же права при Николае Втором получал, наверное! А туда же...

* * *

Поток невесёлых мыслей прервала вибрация в нагрудном кармане. «Звонят, паразиты! Как вовремя!» – у перекрёстка почти синхронно со звонком нарисовалась фигура с полосатой палкой. Несколько секунд я раздумывал, припарковаться и поговорить, или плюнуть на всё и гордо прокатиться с телефоном мимо инспектора. Но тут пробка впереди неожиданно сделала вид, что она – бодрый автомобильный поток, и выбирать мне, собственно говоря, не пришлось.

– Миша? – Поинтересовались из трубки. Владимир Леонидович. Начальство, значит. И что, интересно, начальству от меня ещё надо? Жаловаться на меня сегодня вроде бы не за что. Гид последней группы даже спросила, где мне благодарность написать можно – так понравилось. Последние. Вот я и разошёлся. Только благодарность на хлеб не намажешь...

– Да, Владимир Леонидович?

– Миш, только что... В общем, Рома от нас уходит. Ты возмёмся писать его Чертолье с модерном и Замоскворечье?

О как! А чего это Рома вдруг? Сам? Или? Нет. При такой маме, как у Ромы, не уволят. Значит, сам... А меня – в методисты – за какие заслуги?

– Алло, Миша? Вы меня слышите?

– Разум... Разумеется, Владимир Леонидович, – голос, естественно, сразу соскочил в какие-то фальцеты, и мне пришлось закашляться на середине слова. – С удовольствием. А какой срок?

– Срок? Как и у Романа – к октябрю. Справишься? Твои экскурсии пока перекинем на...

К октябрю! Это значит, что в ближайший месяц у меня есть надомная работа, которую можно сделать одной левой, море свободного времени и зарплата за два новых маршрута!

– Буду стараться, – соврал я абсолютно счастливым голосом.

– Отлично. Аванс получишь во вторник. Устроит?

– Абсолютно.

– Тогда до встречи.

* * *

От переизбытка чувств я немедленно выронил мобильник, ринулся было его искать и только потом сообразил, что делать это во время езды – не самая лучшая идея. Ну и пусть его! Найду на светофоре. По радио потянулось что-то старое и мелодичное: «Il est un jardin enfoui au creux de ma mémoire...»

Как же хорошо жить на свете! Конечно, Рома увольняется. Ну, и что? Не я же его выгоняю? Его, скорее всего, вообще никто не выгоняет: просто любящая мама подыскала милому сынуле ещё более уютное местечко... с ещё более приличной зарплатой. Да ну его! Какая разница! Сам позвонит, если что. Эх! Жизнь прекрасна и удивительна, как говорил один киногерой!

Даже очередная пробка возле кинотеатра «Родина» оказалась неспособна испортить моё настроение. Тем более, что дальше пробок не будет: на проспекте они только часов в шесть и то небольшие, а на моей Восьмой – и подавно!

Помню, когда я оформлял на себя отцовскую «пятёрку», кто-то мне говорил: «Да зачем тебе машина?! В пробках стоять? Ты ж на метро в сто раз быстрее доберёшься!» Может, и в сто раз! Да хоть в тысячу! Прямо представляю себе, как я еду в метро, а в это время Владимир Леонидович набирает мой номер, хмурит брови на «абонент временно...» и со вздохом начинает набирать какого-нибудь Цейтманберга, который, конечно, окажется на связи и с удовольствием... Нет! К чёрту метро! Лучше уж по пробкам!

С этим победным пассажем я и выехал на проспект. На остановке возле «Чайки», как и почти в любое время суток, колготилась небольшая толпа народу – рабочие с завода «Салют». Мало того, что они все после смены полумёртвые, так им сейчас ещё в автобус лезть... По случаю удачи, меня, похоже, накрыла волна сострадания ко всему человечеству сразу. Вон там – на тротуаре – две женщины с сумками. Явно тоже со смены. Ведь наверняка обе замужем, с детьми, а сумки дотащить до дома – некому...

Или вот, например, девушка... Эта, конечно, вряд ли со смены – слишком весело шагает – но пакеты в руках тоже тяжёлые, видно. Аж целых два. И что ей автобуса не подождать? Хотя там же не протолкнёшься... А пакеты – ведь они и не выдержать могут – что тогда?

Будто услышав мои мысли, ручки одного из пакетов, и правда, не выдержали. Всё его содержимое – книги – оказалось на асфальте.

На этом не выдержала и моя совесть.

* * *

Девушка сидела на корточках и пыталась собрать книги в то, что осталось от пакета. Сквозь тонкий полиэтилен другого, стоящего теперь рядом на тротуаре, проглядывали помидоры, абрикосы и ещё что-то невнятное, вроде сосисок. Студентка, наверное.

Я наклонился и поднял довольно увесистую, несмотря на небольшие размеры книжку. «Мир Софии» Юстейна Гордера. Интересно...

– Спасибо!

Я поднял глаза. Девушка, оказывается, уже собрала все книги, кроме этой, соорудив из порванного пакета подобие кулька, поднялась на ноги, и теперь, улыбаясь, смотрела на меня.

– Не за что... – девушка не отводила взгляд. Несколько секунд я пытался сообразить, чего она хочет. А она всё так же смотрела на меня. Высокая, может, только чуть пониже меня, стройная, светловолосая... Мне показалось, что она вся, от своей тонкой длинной тени до зелёных глаз, отражающих свет заходящего солнца, – вся она словно отлита из солнечного света! Тонкая солнечная скульптура на дороге...

Всего несколько секунд неподвижности. Девушка протянула руку.

– Михаил... Миша – слегка смущённо сказал я, пожимая руку. Девушка удивлённо посмотрела на меня и засмеялась.

– Ярослава. Яра. Но книжку вы мне всё-таки верните, – она снова засмеялась. А мне от этого стало так легко и светло, что остатки смущения немедленно куда-то провалились, застыдившись самих себя. Вместо этого появилось такое ощущение, будто я знаю эту девушку всю свою жизнь, и сейчас остановил машину только для того, чтобы подбросить до дома хорошую подругу.

– Нравится Гордер? – я встал, поднял её сумку с продуктами, соображая, что делать дальше: предложить подвезти?

– Нравится. Очень нравится, только я нигде не могла «Софию» найти. Слишком давно вышла, говорят. Вот, нашла, наконец, – она снова улыбнулась.

– Мне тоже. «Апельсиновую девушку» читали?

– Ага. Конечно. И «Дочь циркача» тоже.

Подвезти, подвезти! Если она шла пешком, значит, живёт недалеко. Иначе стояла бы на остановке.

– Знаете что? Давайте, я вас подвезу. Мне тут рядом – на Восьмую Соколиную, но вам-то, я думаю, тоже рядом?

Улыбка с её лица сразу же куда-то ускользнула, хотя через мгновение и вернулась обратно, но была немного грустной.

– Мне тоже на Восьмую, новый дом, знаете? Но... Подвозить не надо... Извините...

– Новый дом? Четвёртый? Так мне туда же! Двести девятнадцатая квартира! Садитесь! – я уже повернулся к машине. Девушка улыбнулась.

– Так мы совсем-совсем соседи! Я от вас через площадку живу. Двести двадцать первая.

– Тем более! Садитесь! Правда, это не «Лексус», конечно, но, как говорится, чем богаты...

– Нет, не надо... Спасибо вам огромное, но... Нет, – каждый раз, когда я заговаривал о том, чтобы подбросить её до дома, девушка вдруг становилась серьёзной и чуть грустной.

– Почему? Я же не маньяк, не кавказец, вы мой адрес знаете...

– Ну... Понимаете, я стараюсь не ездить на машинах... – она поёжилась и плотнее прижала к себе книги.

– Так вы что же, всё время пешком ходите? – улыбнулся я.

Ярослава, словно смутившись, опустила глаза и промолчала.

– Не в свое дело лезу? – попытался я исправить ситуацию.

– Ну... Есть. Чуть-чуть, – она снова посмотрела на меня и – куда только девалось смущение! – ласково улыбнулась. Солнечно улыбнулась.

– Бога ради, извините! Ну, давайте, я хоть вещи ваши доведу. Тяжело же ведь!

В ответ она только молча покачала головой и протянула руку. Прощаться? Да нет, не прощаться...

– Извините, Ярослава... Яра... Я вас не хотел обидеть...

– Пустяки, – она улыбнулась – Вы мне лучше моего Гордера верните, – она кивнула на книгу, которую я всё ещё держал в руках. – И продукты тоже... давайте их сюда, а то в холодильнике – степь да степь кругом.

Я отдал ей сумку и книгу. Она, не говоря ни слова, развернулась и так же легко, как раньше, зашагала по асфальту. словно и не было в ее руках тяжелых сумок – так легко она ступала.

А я... Несколько секунд я просто стоял и смотрел ей вслед. Догнать ее? Бросить машину и донести ей сумки? Нет... Нет? Внутри у меня стало тепло, словно от коньяка. А ведь я в неё кажется, влюбился. Только она в этом вроде и не нуждается. Тут – видимо,

я опять подумал слишком громко – девушка, будто желая переубедить меня, оглянулась и посмотрела на меня. И улыбнулась. А если все-таки?..

* * *

Несмотря на то, что праздники уже прошли, почти все столики в кафе были заняты. На окнах по-прежнему красовались серебристые и фиолетовые пушистые гирлянды, с которых свисали ёлочные шары: по традиции, их снимут, наверное, только к майским праздникам. Эти нехитрые украшения и густой снегопад, совсем уже скрывший от глаз противоположную сторону улицы, создавали впечатление, что новый год не наступил три недели назад, а всё ещё наступает здесь и сейчас – в полумраке зала, в язычках свечей, горящих на каждом столике, в отражениях и бликах, блуждающих на стенках высоких стаканов.

А по ту сторону окна водители, проклиная снег, стояли в длинной очереди машин, заполнившей уже, должно быть, всю Дмитровку до самого Страстного. Но даже мигание аварийных сигналов и поворотников, даже жёлтый свет противотуманных фар, играющих на оконном стекле, не разрушали таинственное новогоднее настроение – наоборот, делали этот снежный день в середине недели ещё более сказочным.

Всё, что творилось за окном, походило скорее на немое кино, чем на реальную жизнь; оконная рама и зимние чёрно-серо-белые цвета только усиливали эту иллюзию. Можно было решить, что вместо окна натянули экран, на котором возникают первые кадры какого-то старого фильма. Неужели только я смотрю этот фильм? Впрочем, и остальные посетители, хоть и не смотрели в окно, против обыкновения старались не шуметь, говорили тихо и почти не звенели посудой. Возможно, их тоже коснулась новогодняя тайна? Очень может быть! Сегодня она, случайно оказавшаяся в этом кафе, наполовину призрачная, наполовину – реальная, прохаживается между столами и одним лёгким прикосновением возвращает всем то, что они давно уже потеряли – мечту о чём-то далёком, прекрасном и недостижимом. И щемящее счастье от того, что сегодня – в этот абсолютно случайный день – оно оказалось рядом. Совсем ненадолго. Ровно на полчаса, необходимые для того, чтобы съесть свой ланч.

Всего-то и надо: суметь почувствовать, увидеть её! Вот она подходит к столику возле арки, ведущей во второй зал. Стула три, но за столиком уже сидят двое. Судя по их виду, – куртки на меху, тёплые сапоги – они, скорее всего, из какой-нибудь съёмочной группы: всё то, что носили лётчики двадцатых годов, теперь донашивают киношники.

«Лётчики» даже не замечают её. Какое может быть волшебство, какая сказка, когда обсуждаются сложные творческие вопросы? Она уже собралась пройти дальше, когда один из кинематографистов, наконец, обращает на неё внимание. Он что-то говорит, предлагает ей присесть, но... Она отрицательно качает головой и грустно улыбается: он не заметил её тогда, в ту единственную секунду, когда это было важно! Теперь – уже всё равно.

Она окончательно отворачивается от их столика и, обведя взглядом зал, смотрит прямо на меня. Я сижу один у самого окна, за столиком на двоих. Я молчу, но внутри меня всё просто взрывается криком! Он бежит по моим венам и артериям, повторяя: «Да! Это я! Мне, мне нужна сказка! Сказка, которая никогда не кончится!» Тогда она, каким-то образом услышав мой беззвучный крик, улыбается мне. Сначала – только глазами, но потом улыбка зацветает и на лице. Где-то в баре начинает играть музыка: «Un jardin bleu dans le matin, ou ont pousse des iris noirs...»

Она идёт к моему столику. Столику на двоих у самого окна.

– Привет! Здесь свободно?

Она одета в спортивную куртку, я точно знаю, что вязаная шапочка с ушками скрывает длинные светлые волосы. Свеча, горящая на соседнем столике, на секунду отражается в изумрудных глазах.

– Привет! Конечно. Присаживайтесь.

Сняв шапочку и куртку, она садится напротив меня. Так и есть, у неё действительно длинные светлые волосы. На ней толстый свитер с высоким воротом. Я замечаю у неё в руках бокал с чем-то вроде глинтвейна. Видимо, она взяла его в баре и отправилась искать место.

– А почему на «вы»? – она обеими руками подносит к губам бокал. Смотрит в окно – По-моему, тут самое лучшее место, чтобы смотреть кино! – она бросает на меня взгляд и улыбается.

– На «вы»? Ну... Машинально... Мы же не знакомы... – отчаянно вру я.

– Ах, так? – она смеётся – Тогда позволь представиться: Ярослава! Но лучше – просто Славка.

– Славка? – я, конечно, знаю, что её зовут Ярослава, но такую модификацию имени я не предполагал. – Я Михаил... Миша. А почему Славка?

– Мне так нравится! – она сказала это с такой интонацией, что в конце фразы я ожидал услышать «дурачок». – Так ты тут кино смотришь?

– Какое кино? – снова вру я с удивлённым видом.

– Посмотри. Видишь? Окно – это экран. А всё, что за окном – и есть кино. Сегодня, вот – фильм про снегопад над большим городом! Подожди... – Славка замолкает и прини-
мается искать что-то в кармане куртки. Наконец она достаёт зажигалку и подносит её к свечке на столе.

– Сегодня мне кажется, что фильм старый, ещё чёрно-белый... – говорю я, глядя на пламя свечи.

– Точно! Все хорошие фильмы – старые. Чёрно-белые, а некоторые – ещё немые. – Славка жмурится, словно кошка, и отпивает немного глинтвейна.

– Знаешь, по-моему, мы уже встречались... – решаюсь я.

– Очень может быть, – Славка улыбается, а в глазах у неё трепещут две свечки. – Ну, и что? Если и не встречались – теперь-то уж точно встретились. А случайностей в этом мире нет...

«Случайность – псевдоним бога» – произносим мы хором и оба смеёмся. Над чем? Над совпадением? Друг над другом? Над этим миром? Просто смеёмся. От счастья.

Снегопад усиливается. Теперь в окно не видно даже улицы: стекло до половины замело снегом, а там, где должно быть видно небо – видны только проносящиеся хлопья. Столик с горячей свечой оказался островком, отрезанным от всего на свете непроходимой стеной снега.

– Мне ещё один писатель нравится... Только как зовут – забыла! – извиняющимся тоном говорит Славка. – Как же... Как отрезало!

– Гордер, – подсказываю я. – Юстейн Гордер.

– Точно! – но довольная улыбка на её лице сменяется настороженным выражением – А ты откуда знаешь?

– Ну, я же говорил, что мы уже когда-то встречались – улыбаюсь я. Славка улыбается в ответ.

– Я одну его книжку очень хочу найти – «Мир Софии», а её нет нигде. Ни в одном магазине. Что-то странное... Вот и сегодня – зашла в книжный – вон там, на углу – и там нету. А потом – снегопад... Это кафе...

– Тсссс... – сказал я удивлённо посмотревшей на меня Славке – Вот об этом я знать не хочу.

– Почему?

– Потому, что сказка не должна закончиться.

Она посмотрела на меня так, словно поняла, что я имею в виду. А может быть поняла?

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила Славка.

– Что? – не понял я.

– Ну, что-нибудь.

– Хорошо...

И я стал рассказывать про Дмитровку. Про то, что под улицей проложен древний подземный ход, который вёл от одного из дворцов Ивана Грозного к Страстному монастырю, что стоял на месте нынешнего бульвара. Из-за этого на улице иногда проваливается земля. Говорят, что где-то в стенах этого тоннеля Иван Грозный спрятал свою библиотеку, а ещё – и не одного опального боярина. А когда...

– Мишкин, ты экскурсовод? – спросила Славка, когда я закончил.

– Почти. Я составляю маршруты экскурсий и пишу то, что экскурсоводы потом рассказывают туристам.

– С тобой хорошо, – сказала Славка и, будто бы случайно, прикоснулась к моей руке. – Только мне пора.

– Уже? – сказка заканчивалась, да что там, разваливалась на части! – Может, тебя подвезти? – только спросив, я сразу понял, какую глупость сморозил.

– В другой раз, – пообещала Славка, надевая куртку.

Я встал из-за стола и вдруг ощутил, что просидел за ним несколько часов. Славка уже надевала свою шапочку с узорами.

– Ну, пока? – сказала она и поцеловала меня в щёку – До скорого!

– Подожди! – едва ли не крикнул я вслед Славке. Она обернулась, и мне показалось, что там, за стеклянной дверью на улице тоже горят свечи. – Разве ты не боишься машин?

Она удивлённо посмотрела на меня:

– Машин? А почему я должна их бояться?

Глава 2

Страшно затекла спина. Всем хороша надомная работа, только – поди, объясни это своему позвоночнику. Сколько я сегодня уже просидел? Часов шесть – точно.

Я потянулся, и в спине что-то угрожающе хрустнуло. Замечательно. Я мрачно посмотрел на экран, где аккуратные ряды букв почему-то никак не хотели превращаться в такие же ровные и аккуратные ряды домов, церкви, монастыри. Надомная работа. Ты полностью предоставлен сам себе: вставай, когда хочешь, делай, что хочешь, условие одно – вовремя сдавай продукт. А именно сегодня – за шесть дней до сдачи – мы с продуктом пришли в полный и окончательный тупик.

Даже странно: казалось бы, вот оно, всё есть – и маршрут, и текст... Ни одного сарая не пропустил – и под каждым под кустом творилась какая-нибудь часть нашей истории. Но – всё равно. Такое чувство, что все листы пустые. Листы.

Странно: Ярослава живёт совсем рядом – только перейти через площадку – а сколько я её не видел? Почти месяц? Да. Почти месяц. Жить так рядом и не столкнуться... хотя я за последний месяц из дома-то почти не выходил. Только пару раз доползал до ночного магазина. Вот она, надомная работа.

Я покосился на окно – пасмурно, темнеет рано. Листики ещё кое-где дрожат на ветках, сухие и бессмысленные, как и мои... Серо и сыро. Гадость, конечно, но раскисать сейчас нельзя!

Вот, например, улица Пречистенка... Точнее – Большая Чертольская. Пречистенкой она стала только в 1658, а это – ещё XVI век, дорога к Новодевичьему монастырю. Палат белокаменных пока ещё на ней не видно; в горочку, сразу за земляным валом, поднимаются только деревянные дома, какие – совсем уж неказистые, некоторые – побогаче, с большими дворами, тяжёлыми воротами на кованых петлях. Большой Посад...

Солнечное утро рассыпалось по улице радугой мелких капель росы. Вот куры, опасливо поглядывая на дремлющего под воротами пса, прохаживаются по траве.

Мужик в поношенной рубахе и новеньких, но уже грязных, портах, выходит из ворот напротив с лотком, накрытым тряпкой, и по улице сразу же разливается запах горячих пирогов. В город торговать пойдёт.

Чертолье – ещё не Москва, Большой Посад.

Девушка в обыденном сарафане прошла с коромыслом на плече.

Со стороны вала проскакал всадник в ярком оранжевом кафтане – нарочный; стук копыт разбудил пса, и он, потянувшись, несколько раз глухо твякнул на успокоившихся было кур. Со стороны монастыря со скрипом показалась телега, нагруженная горшками, корчагами и прочей гончарной утварью.

Два мужика – скорее всего, отец и сын – идущие рядом с телегой, одеты в армяки: видно, поднялись ещё по холодку, затемно. Лица у обоих красные, потные, но армяков не снимают. Беседуют о чём-то.

Босоногий мальчишка пробежал мимо, споткнулся, чуть не упал под копыта лошади гончара и немедленно заработал от него подзатыльник. Младший из мужиков что-то спросил, мальчишка громко, но неразборчиво ответил – ясно было слышно только «батюшка» и «храма Афонасия-Кирилла». Понёсся дальше. Послышались звуки дудки – где-то вверх по улице заспавшийся пастух собирал стадо.

* * *

Вот оно! Настроение. Самое главное для меня – не столько передача информации, сколько настроения, духа времени. Информацию в наше время можно и в сети найти – там этого счастья полно. А рассказать так, чтобы экскурсант себя прямо в средневековье ощутил – вот это искусство! Там ему уже можно и про аркатурно-колончатые пояса, и про соляные бунты, и про нездоровое количество жен Ивана Грозного – всё поймёт, всё прочувствует.

Просто должна быть какая-то зацепочка для него, ключик от двери в минувшие века. Что-нибудь понятное, но неожиданное, какая-то мелкая деталь... Например, что в XV веке не пили чай, что не было картошки и помидоров... Что если женщина прилюдно снимала с мужчины пояс, его честь была безвозвратно утрачена... Что хлеб ломали, но ни в коем случае не резали – это считалось почти святотатством...

Именно такие короткие, не имеющие особого значения подробности и оживляют всё, что рассказывает экскурсовод. Только тогда его рассказ завораживает, его начинают слушать, как слушали в былое время гуляров и сказителей, поддаваясь очарованию древней былины, в которой герой-богатырь, оскорблённый князем, не в силах жить дальше, убивает себя. А слушатели, обычные крестьяне, забывали о том, что согласно православной вере это – чудовищный грех. Они все были там, в том времени, когда о подобных поступках слагались песни... когда их считали благородными.

Так и сейчас турист, вернувшись с экскурсии, не вспомнит через день даже имя экскурсовода – что уж говорить об авторе текста – а лицо какой-нибудь девушки с коромыслом, пригрезившейся ему во время рассказа останется в памяти навсегда.

Я откинулся на спинку кресла. Снова перед глазами возникла девушка, идущая к колодцу... На ней простой сарафан из грубой ткани, туго повязанный – так, что не видно волос – бурый убрus... И очень знакомое лицо... Изумрудные глаза... Ярослава...

Почему же я ни разу не зашёл к ней? Не было повода? Да нет, повод, наверное, я смог бы придумать. Это всё – обычная нерешительность. И мысли о том, что такая девушка вряд ли будет одна. Хотя, если бы у неё кто-то был, не стала бы она сама таскать продукты из магазина.

Но прошёл почти месяц. За это время она могла уже десять раз найти, встретить... Интересно, что же получается? Я надеюсь, что она кого-то себе нашла? Получается, надеюсь... А если она всё это время ждала, что я найду? Повод-повод... Просто так, без повода, просто приду и скажу: «Привет, я долго искал повод, чтобы зайти, а потом решил зайти просто так!»

С другой стороны, было много работы... И что? Не так уж много было у меня работы! В конце концов, если она не хочет меня видеть, то лучше об этом узнать от неё самой, чем убеждать себя в том, что это был минутный порыв, и три недели подряд видеть её в каждой девушке с коромыслом! Шутки подсознания, понимаешь!

Без двадцати пять.

Встал. Собрался-собрался. Пошёл!

* * *

У двери я остановился. Внезапно я осознал, что на мне протёртые в самых неожиданных местах джинсы, домашние тапочки и залитая чаем футболка. Маньяков, звонящих в дверь под предлогом попросить соли, обыватели представляют себе именно так.

Как оказалось, у меня очень много одежды. Ещё минут двадцать я потратил на исследование содержимого своего шкафа, и даже начал осознавать смысл легендарного «нечего

надеть», как вдруг я понял, что именно сейчас, в эту самую минуту, она, может быть, тоже собирается куда-то, и если я промедлю хотя бы ещё мгновение, то не застаю её... Вообще не застаю!

Без особых рассуждений я облачился в наиболее приличные джинсы, выудил из немедленно рухнувшей с вешалки груды рубашек первую попавшуюся – какая разница, все чистые – и устался на тапочки. В конце концов, что я, на бал собираюсь?! И так сойдёт!

Однако у дверей своей квартиры я снова остановился. Мысль о том, что она собирается уходить, не оставляла меня. Вдобавок, внутри заскреблось очень противное чувство, знакомое ещё по институту: стоит прогулять одну пару, как пойти на следующую по тому же предмету становится как-то неудобно. И чем дальше, тем это «неудобно» становится всё сильнее и сильнее – такая смесь стыда и лени. Вот и сейчас я подумал, что зайти к Славке в первую неделю после встречи мне было бы куда легче. Да, не очень удобно, но легко... Теперь же мне кажется, что я прогулял все мыслимые пары по этому предмету, но со всей наглостью требую, чтобы мне поставили зачёт...

Мысли прервал тихий щелчок замка. Она? Значит, всё-таки, собиралась уходить! Коленки почему-то задрожали. Если бы мне пришлось говорить, голос обязательно сорвался бы в фальцет. Я прилип к дверному глазку.

Дверь начала открываться. В холодном казённом свете люминесцентных трубок блеснули цифры жёлтого металла: «2, 2, 1».

Однако в проёме из тёмной прихожей появилась вовсе не стройная фигура Славки, а скрюченная спина, обтянутая брезентовым плащом и замотанный в платок затылок. Какого чёрта?! Похожая на клешню рука потянула дверь. Жутким гнусавым голосом кто-то внутри проорал: «...Но опоздал мой самолёт: бабушка Симона внучку в школу ведёт!» Какого чёрта?! Покопавшись в кармане, жуткая фигура вдруг словно бы сложилась пополам и той же клешнеобразной рукой сунула что-то под коврик у двери.

Я отшатнулся от глазка и потёр лоб. Сон? Нет, не сон. Когда я снова припал к двери, старухи уже не было видно. Зато послышался звук закрывающихся дверей лифта.

Уехала, уехала... В голове не было ничего, кроме этого слова. По-моему, я даже беззвучно повторял его, когда отпирал дверь.

Продолжая повторять его про себя, я пересёк площадку, нагнулся и откинул угол коврика. Среди серых мусорных песчинок на полу лежала маленькая золотая петелька. Женская сережка. Золотая сережка со светло-зелёной капелькой из какого-то камня. Хризолит?

Руки, по-прежнему, тряслись... Да что руки! Поначалу меня всего просто колотило! От неожиданности? Скорее да, чем нет... «Когда я уже не голубкой сверкающей белой, а чёрной старухой в окошко твоё загляну...» – крутилась в голове неизвестно откуда выплывшая строчка.

После стакана холодного чая мне стало легче. Трясти уже нигде не трясло, мысли стали внятными. Почему Славка не может жить с какой-нибудь родственницей? Ещё как может. Например, с бабушкой Яра живет. Почему бы ей, в самом деле, не жить с бабушкой? Или с тёткой? И почему старушка не может быть выжившей из ума? Еще как... еще как может. Вполне может сунуть сережку под половику. Они еще и не такое вытворить могут в таком-то возрасте.

Тётка, бабка – это, конечно, хорошо... Только с чего вдруг я так перепугался, а? Вспоминая шаркающую сгорбленную фигуру, я не мог вспомнить ничего, что могло бы хоть в какой-то мере пугать. Старуха, как старуха. Повстречай я её на улице...

Ну да, всё дело в неожиданности. Когда ждёшь встречи с прекрасным и светлым – меньше всего ожидаешь повстречать вот такое!

Помнится, у кого-то из западных писателей был рассказ, как некто, придя на киносеанс, вдруг оказался на концерте марширующего оркестра, состоящего сплошь из полных

домохозяек с небритыми ногами. Играли они, разумеется, отвратительно. Собственно, чем заканчивается рассказ, я не помню, но вот эпиграф: «Моему другу, чуть не умершему из-за подобного»¹, кажется – сейчас пришёлся бы очень к месту!

* * *

Дома казались сделанными из мороженого: горячий воздух дрожал, и стены в этом дрожании оплывали, как пломбир на солнцепёке.

Солнце уже почти закатилось и теперь уже просто играло, перебирая лучами, с мешаниной крыши и скверов, словно тонкие горячие пальцы гладили город по раскалённой голове.

Земля в тени старого школьного здания тоже была горячей, но здесь было чуть прохладней. Я уселся, скрестив ноги, прямо на землю и откинул голову назад. Небо было белоголубое, выцветшее, словно застиранное детское одеяло. А прямо передо мной сверкали, переливались, сталкивались и вновь растекались золотисто-оранжевым озером бесконечные крыши.

Две монахини, похожие на пару голубей, неодобрительно посмотрели на меня, но, так ничего и не сказав, отправились по своим таинственным чернецким делам. Через несколько мгновений за моей спиной в надвратной звоннице ударил колокол.

Оказалось, что колокольный звон, густой и жаркий, прекрасно сливается с горящим на крышах солнцем. Движения их стали спокойней, ровнее. А спустя несколько мгновений стало ясно, что ждали они именно этих звуков и теперь качаются под тугое пение колокола!

Я слегка прикрыл глаза. Так и есть: крыши танцевали. Потом к ним присоединились мелкие, но куда более яркие искры окон, и вместе они стали кружиться всё быстрее и быстрее... И начали подниматься вверх. Теперь чтобы смотреть на них, надо было лечь на спину...

Кольцо кружащихся огней стало звонким и тонким, сшитым из золота поясом... Нет, оправой. Оправой зеркала. Я заглянул в него, но вместо отражения увидел только лицо Славки.

– Привет! – улыбнулась мне Славка.

– Привет-привет, – отозвался я, не открывая глаз.

– Что ты делаешь?

– Прокладываю маршрут, – сообщил я, изображая серьёзность.

– Куда?! – смеясь, спросила она.

– По Чертоль... – я открыл глаза и сел. – По Чертолью... – немного опешив, повторил я. Славка, по-прежнему, смотрела на меня.

– Мне нравится, – сказала она, – как ты прокладываешь маршруты. Можно с тобой? – не дожидаясь моего, ответа она села рядом. Какое-то время мы молча смотрели на крыши.

– Славка...

– Что?

– А ты-то что тут делаешь? Надеюсь, не в монахини подалась?

– Нееет! – Славка, опустившая было голову на поднятые колени, посмотрела на меня. – Я иногда приезжаю сюда посмотреть на старый город.

– Вообще-то я смотрел на крыши и заснул. Крыши и колокол.

---

¹ Имеется в виду рассказ «Оркестр» аргентинского писателя Хулио Кортасара.

– Крыши и колокол? – Славка взглянула на меня снова. – А хочешь, я покажу тебе призраков?

– Призраков? Тут живут призраки?

– Призраки живут везде. Вопрос только в том, когда...

Крыши уже погасли, последние окна уже не казались лужами расплавленного золота – так, остывающие угли...

– Пойдём! – Славка легко поднялась и взяла меня за руку. – Пойдём скорей! А то всё пропустим!

Сумерки упали на улицу за воротами монастыря, тонкой мукой повисли в воздухе, расплескались тушью по подворотням. Я обомлел...

– Смотри! Ну? Видишь? – Славка с гордостью обвела рукой открывшееся нашим глазам зрелище, словно сама только что всё это создала. – Видишь?

Все краски будто смешались, как бывает с негативом цветной фотографии! В сумерках всё стало... Немного другим, чужим, но не злым – тёплым, уютным, и чуть-чуть незнакомым. Словно переулок и улица были нарисованы акварелью, а потом их вырезали и наклеили на мебель в какой-то старой квартире. На старую тяжёлую мебель с резными столбиками, сделанную в те времена, когда никто и понятия не имел о пластмассе, поролоне и автомобильных пробках. Прохожие на фоне этого пейзажа действительно казались призраками. Они даже не шли, а легко скользили над землёй, меняя цвета и, время от времени, становясь прозрачными... И вдруг иллюзия закончилась. Всё вокруг опять стало таким, как всегда.

Я обернулся к Славке, испугавшись, что не увижу её, что она исчезла вместе с этим видением, словно она была его частью. Но Славка не исчезла. Наоборот, её рука – я только через мгновение понял, что до сих пор держу её за руку, – кажется, стала куда более осязаемой, чем это полагается, в её изумрудных глазах играли тонкие лукавые огоньки.

– Что произошло? – почему-то шёпотом спросил я.

– Ничего особенного, – Славка безмятежно улыбалась. – Просто зашло солнце. Это ведь бывает каждый вечер...

Последнюю фразу она произнесла с неуловимо-вопросительной интонацией, чем окончательно поставила меня в тупик.

– Ну, я имею в виду, что это было? С людьми? – лукавые огоньки в глазах Славки разгорелись ярче.

– Так играет солнце, перед тем, как уйти за горизонт. Оно так прощается. На одну секунду оно просвечивает насквозь всё на свете. Даже людей – их тела, мысли, чувства... – она зажмурилась, как кошка. – Я, например, успела рассмотреть твои...

– И что же я думаю? – я тоже улыбнулся. Мне было хорошо.

– Ты подумал, что я – призрак. Ведь так? – улыбка исчезла. Я просто смотрел на неё.

– Точно... – поразился я наконец с интонациями доктора Ватсона – Но как...

– Я же сказала: каждый вечер солнце, когда бросает последний взгляд на землю, светит сквозь всё. И сквозь всех. Даже сквозь мысли. И если бы ты в этот момент посмотрел на меня, то смог бы увидеть, о чём я думаю. Ты же хотел бы узнать, о чём я думаю?

– Не знаю... – я задумался: в самом деле, а хочу ли я знать, что она думает? Думает ли обо мне, и ЧТО она обо мне думает... – Не знаю... А что один человек думает о другом? Можно увидеть?

– Можно увидеть всё! – Славка засмеялась – Я теперь знаю даже, как выглядит твоя машина. Вон тот старый синий «Линкольн». Так?

– Ну... Ты же могла увидеть, как я сюда приехал. Да?

– Но ведь я не видела! – Славка вдруг словно бы увяла.

– Откуда я это знаю?

– Хорошо, – в её глазах опять загорелись лукавые огоньки. – Город показался тебе похожим на большую старую квартиру... – на это я не нашёл, что ответить – На квартиру, в которой ты вырос, от которой теперь остались только воспоминания и твоя библиотека. Почему ты мне не веришь? – вопрос, притаившийся в самом конце, застал меня врасплох. А действительно, почему?

– Мишкин! Ты не уснул? – оказывается, я задумался.

– Наверное, потому, что не успел увидеть, о чём думаешь ты...

– Тогда, наверное, мне стоит сказать тебе об этом самой...

Сразу же я ощутил, что покраснел. Надеюсь только, что я достаточно обгорел на солнце за день, чтобы этого не было заметно!

– Даю подсказку: настал другой раз, – теперь уже не только глаза, но и вся она светила лукавством. – Ну?

Я тупо смотрел на Славку, пытаюсь сообразить... Ну, конечно! Видимо, в отличие от румянца, догадка на моём лице была куда более очевидна. Славка засмеялась.

– Ну? – лукавые огоньки погасли, осталась только улыбка.

– Так тебя подвезти?

– Обязательно – Славка снова засмеялась и сжала мою руку.

* * *

– Можно, я включу что-нибудь другое? – спросила Славка, указывая на выключенную магнитола. Почти пустые улицы, светящиеся витрины и притаившиеся в тёмной листве фонари возвращали вновь и вновь впечатление, что мы едем по бесконечно огромной старой квартире... Но дома уже не были нарисованными акварелью, а поздние пешеходы не казались прозрачными и разноцветными.

– Включай! – с улыбкой разрешил я. Ночь неслась на нас, а мы проваливались сквозь неё. Сквозь тёплую городскую ночь лучше проваливаться с музыкой.

В шорохе помех послышались, один за другим, обрывки нескольких привычных мотивов, но потом помехи попрятались на других частотах, в салон машины хлынули скрипки, а на их волнах вплыло: «...Un jardin dont j'ai tant reve, oh qu'un jour je puisse y entrer...» Я перевёл взгляд с дороги на Славку.

– Это твой диск?

– Нет... – Славка откинулась на спинку сиденья, словно умываясь музыкой.

– Радио?

– Наверное, – Славка улыбнулась мне, – а есть ещё варианты?

– Песня знакомая... – я помотал головой. – Она играла в кафе, тогда, зимой, помнишь?

Как она называется?

Славка нахмурилась, тоже пытаюсь вспомнить.

– Мне кажется... Нет, не помню... Какая разница? Она же красивая...

Я подумал, что она не просто красивая – её мелодия подходит именно Славке. Только Славке, и никому другому... Почему подходит я не знал.

– Тебе нравится?

– Очень. А тебе?

Не успел я ответить, как снова послышались помехи, и музыка пропала. Правда, почти сразу возникла другая...

– Жалко, – сказала Славка с таким видом, будто её грубо разбудили.

– А эта тебе не нравится?

– Не знаю... – она замерла, прислушиваясь. – Она тоже красивая, но... странная.

– Это кто, – мы мчались уже по бывшему Владимирскому тракту у.

- Кото? – Славка вскинула брови и сразу стала похожа на школьницу – Что это?*
- Что-то вроде японских гусель, только огромные – около двух метров длиной².*
- Так это японская! Мне нравится Япония!*

Славка сразу же начала прислушиваться.

– Эх, была бы сейчас осень...

– Почему? – её брови снова взлетели.

– Осенью в Москве бывают концерты японской музыки...

– Правда? Здорово!

Я снова взглянул на неё, и мне показалось, что даже в неосвещённом салоне я вижу, как заблестели её глаза.

---

² Кото (яп. #) или японская цитра – японский щипковый музыкальный инструмент. Кото, наряду с флейтами хаяси и сякухати, барабаном цудзуми и лютней сямисэном, относится к традиционным музыкальным японским инструментам.

Глава 3

Как выяснилось, мусора в доме накопилось изрядно. А мне-то казалось, что я всю последнюю неделю прожил только на чае... Нет, на чае, конечно... Но не только. Иначе – откуда бы взялся в ведре шкуркам от колбасы, засохшему куску булки и обёрткам от каких-то нарезок, не подлежащим уже никакой идентификации? Однако в упор не помню, как я всё это ел. И уж тем более – как и где покупал. Выходит, и вдохновение может привести к экологической катастрофе. Правда, в масштабах одной кухни.

Собственно, я бы про эту мелочь и не вспомнил, если бы не обладал привычкой править свои тексты в распечатанном виде. С одной стороны – отдых спине и глазам, с другой – на бумаге все ляпы как-то очевиднее. Скажем, на экране вот это слово кажется вполне уместным и правильным, а стоит только увидеть его же на бумаге – какая гадость! В итоге – четыре дня до сдачи и полное ведро исчёрканных листов. Впрочем, не таких уж исчёрканных...

Несколько крупных капель, брошенных порывом ветра, протарахтели по подоконнику. Это вот – «кратковременные осадки»! Вторую неделю – как из ведра! Я с ненавистью взглянул на мусорное ведро. Между прочим, с утра обещали прояснение. И с чего бы нашим предкам хорошую погоду называть «вёдро»? Надо будет выяснить...

Новый порыв ветра опять швырнул в окно мелкие брызги дождя, да так, что стекло задребезжало. Прогноз погоды, чтоб ему... Хотя, с другой стороны, всё верно: «погода» в старину и означало «ветер». Так что на улице как раз хорошая погода. Ну, очень хорошая такая, ядрёная...

К сожалению, необходимость уничтожить отходы интеллектуального труда все эти рассуждения не отменить не смогли. Подняв потяжелевшее ведро, которое, словно предчувствуя ледяной душ, всеми силами постаралось прирасти к полу, я поплёлся в прихожую.

Для краткой прогулки по маршруту дом-помойка-дом подойдут и кроссовки... Только снимая с вешалки куртку, я сообразил, что занимаюсь ерундой. Расхохотавшись, я бросил куртку на галошницу и принялся развязывать шнурки. И правда, привычка – вторая натура! Когда же я привыкну к тому, что живу в доме с мусоропроводом?! Пора бы уже за полгода... В памяти возник мой старый дворик с двухэтажным флигельком напротив подъезда, со старыми, раздувшимися от времени тёмными деревьями... Я судорожно попробовал вспомнить – какие? То ли клёны, то ли липы... Один – точно клён, вот насчёт остальных – не уверен... Сейчас и не скажешь – осень. Я выбегаю под дождь, хлопнув дверью, и сразу же втягиваю голову в плечи: холодные капли иголками падают мне за шиворот! Кто-то стучит по стеклу. Оглядываюсь. Баба Нюра с первого этажа грозит мне в окно кулаком: опять я ей дверью по ушам хлопнул, как она говорит. Ничего, пускай взбодрится! Правда, потом она матери нажалуется... Ну и пусть! Это ж потом! Опрометью кидаюсь через двор к старому проржавевшему баку... И вдруг останавливаюсь: она! Прямо под дождём посреди двора стоит Славка! В лёгком летнем сарафанчике, не смотря на проливной осенний дождь. Я останавливаюсь, и мы молча смотрим друг на друга. Я вижу, как вода бежит по её подбородку, как темнеют, намокая, светлые волосы, как слипаются ресницы вокруг её сияющих глаз. Она улыбается. А потом начинает смеяться – звонко. Закидывая голову, подставляя лицо дождю. И я, поняв, как глупо выгляжу – нахохлившийся, со старым ведром в руках – тоже начинаю хохотать...

...Слава богу, ведро не опрокинул! Я включил свет и стал собирать рассыпавшиеся по коврику обрывки бумаги. Хорошо, что немного рассыпал... Я постарался сосредоточиться на разбросанных по полу обрывках черновиков, но смех Славки по-прежнему звучал в моей голове. Теперь она уже устала смеяться и только тихо всхлипывала...

* * *

Когда я открыл дверь, меня поразило, что всхлипывания стали громче. Только в следующую секунду я смог связать их со странной фигурой возле самой лестницы. Мои глаза постепенно привыкали к полумраку лестничной клетки. Похоже, кто-то сидел на корточках спиной ко мне перед первой ступенькой нижнего пролёта и всхлипывал. Тонкая длинная рука потянулась к ступеньке и будто бы провела по ней. «Старуха!» – с ужасом подумал почему-то я... За моей спиной хлопнула дверь, мы – я и кто-то – вздрогнули. Фигура повернулась ко мне, и я узнал Славку. Славка!

– Славка... Что с тобой? – я шагнул к ней.

Девушка неожиданно резко вскочила на ноги.

– Нет! – эхо её голоса, умноженное этажами, грохнуло и прозвенело, как натянутая струна. Мне стало страшно.

– Ты что? Это же я, Миша... Сосед... – я попытался сгладить неловкость, совершенно не понимая, в чём именно она состоит. Может быть, она меня не узнала? Ну, конечно! Ведь прошёл почти месяц! Да она попросту забыла о нашем знакомстве... Кстати, а что она вообще здесь делала? Плакала?...

– Ты... – начал, было, я.

– Я не... Не стоит меня так называть. – В её глазах застыло что-то... Страх? Мольба? – пожалуйста... Миша. И... все в порядке.

– Ладно, конечно, – я мучительно замаялся, пытаюсь сообразить, как называть её теперь. – Конечно... Яра?

– Яра, – отозвалась с облегчением она. Повисла пауза.

– А я всё собирался зайти... в гости... Работы много, всё никак не выберусь... – возникло чувство, что меня поджаривают на медленном огне... и остановиться уже никак нельзя. – И телефон не знаю... Может, ты... вы... занята... или уехали... – я окончательно заблудился в русском языке и умолк.

Яра внимательно смотрела на меня. «Ну всё, пропал...» – решил я. Но тут она неожиданно улыбнулась.

– Надеюсь, ты не с этим ко мне в гости собрался? – она указала на мусорное ведро, которое я, как оказалось, всё ещё держал в руке. Хорошенькая, должно быть, картинка! Внезапно мне вновь показалось, что я стою под дождём в своём старом дворе, а Сла... Яра? Да нет, Славка! А Славка стоит передо мной в коротеньком летнем сарафанчике и хохочет. Я засмеялся. Засмеялся от счастья.

– Это я как раз к чаю захватил! – обидеться я не смог – А ты что на лестнице-то сидела?

Её лицо сразу стало грустным, глаза опять стали такими, словно она сейчас заплачет.

– Я... – она полезла в карман джинсов, но мне показалось, что она просто хочет спрятать глаза. – Я тут... серёжку потеряла. Вот...

На ладони Яры лежала вторая, уцелевшая серёжка: маленький золотой треугольник, из которого выбегала тонкая цепочка с хризолитовой слезинкой на конце. Я представил, как они перебрасывались отблесками с её глазами. Что-то было знакомое в этой серёжке. Где-то я такую уже видел.

– Красивая... Здесь, на лестнице потеряла? – я опустился на корточки и начал осматривать верхнюю ступеньку.

– Да, здесь... Кажется... Вернее, я здесь заметила, что её нет... – последнее слово она произнесла со всхлипом и присела рядом со мной. – Ты поможешь?

Она подняла на меня глаза, и последняя фраза прозвучала как приглашение к чему-то большему, чем просто поиски пропавшей серёжки. Мне показалось, что ещё немного – и я смогу выплюнуть сердце на пол, прямо к её ногам. Дыши и успокаивайся!

– О чём речь?! Мои разносолы, – я кивнул в сторону ведра, – от времени не портятся.

Яра улыбнулась. Мы осмотрели ступеньку и перешли к площадке между нашими квартирами. Я смотрел то на пол, то на Яру. Тёмные джинсы и тонкая водолазка...

– Ты не подумай... я вообще не такая плакса. Правда-правда, – сказала она – просто я их... они у меня давно очень.

– Подарок?

– Да... Из Японии...

– Нравится Япония? – я поднял глаза.

Наши взгляды встретились. Кожаный салон старого «Линкольна», ночь...

– Очень нравится! – она слегка зажмурилась. – Мне кажется, там во всём какое-то волшебство есть...

И в эту секунду в подъезде включили свет. Осенью рано темнеет. Оказывается, мы обшаривали пол в темноте! Когда под потолком вспыхнули холодные люминесцентные лампы, Яра пошатнулась, словно свет ударил её по лицу, и подняла руку над глазами.

Я уже собирался осмотреть предыдущий пролёт.

– Ладно... Спасибо за помощь... – Яра поднялась на ноги.

– погоди! А как же твоя серёжка?

– Наверное, я потеряла её, когда... была в другом месте, – мне вдруг показалось, что она солгала. Нет, не сейчас, а в самом начале, когда говорила про лестницу. Но потом взглянул на неё... Яра? Славка? Что-то связанное с серёжкой не давало мне покоя, где-то я их видел. Тогда, когда мы встретились первый раз? На Яре?

И почему я решил, что она сказала неправду? Да и зачем ей? Хотя... Все картинки, начиная с того, как я открыл дверь, пронеслись передо мной...

– Мне пора! – Яра стояла на верхней ступеньке марша. Я – на нижней, а свет бил сквозь неё, вычерчивая стройные контуры статуэтки. Холодный, искусственный свет, способный даже летом проморозить любого до самых костей.

– Постой! – я быстро поднялся к ней. Возможно, я боялся, что свет заморозит и её. – Послушай... Яр, мне бы хотелось... В общем, завтра будет концерт японской музыки, ты придёшь, в смысле – пойдёшь? В семь, завтра? Я тебя приглашаю.

Как я ненавижу себя, когда начинаю путаться в словах или срываюсь в фальцет... Тут – ухитрился совместить! Поэтому закончил я этот – довольно приличный – монолог скороговоркой, а когда, наконец, заткнулся, больше всего мечтал провалиться на пару этажей вниз. Впрочем, это обычное дело: когда другие начинают чувствовать себя неловко, мне неловко за них вдвойне, и, в конечном счёте, я сам смущаюсь больше, чем те, из-за кого я начинаю смущаться...

– Как-как? – Яра опять улыбалась своей тёплой чуть грустной улыбкой.

Боже! Так я ещё и ляпнул всё это вслух!

– Прости! Я не имел...

– Если ты имел в виду пригласить меня на концерт – то я бы с удовольствием... – я заметил, что почему-то держу её за локоть – ...только если...

Ну, всё, сейчас она скажет что-нибудь благовидное, чтобы только никуда не ходить с таким болваном!

– ...Если я завтра буду здесь, понимаешь... То есть если бы это только от меня зависело, я бы с удовольствием, – её глаза опять погрузнели, она на мгновение задумалась. – Поэтому лучше я сама за тобой зайду. Ладно? Слышишь?

Похоже, я уже не очень-то слышал слова Яры. Мы стояли рядом на площадке, она пыталась что-то мне объяснить, что-то важное, а я не мог этого понять – просто держал её за локоть, смотрел в глаза, ярко-зелёные глаза. Близко.

Потом всё кончилось.

Видимо, она ушла. Не знаю, я этого не заметил. Возможно, я просто потерялся в её глазах. Я смотрел на ее дверь, за которой она недавно исчезла. «221» и за ней Яра. Яра, Яра... И бабка. Бабка. Точно! Перед глазами промелькнул половичок и сережка под ним. Я откинул половик. Но сережки не было. Старуха... Старуха. Похоже, она страдает kleptomaniей, а когда находит у себя чужую вещь, старается незаметно подбросить обратно. Совесть, видимо, мучает. В этот раз не вышло. Сережка потерялась, запинали куда-то. Сказать Яре...? Не стоит, наверное, вмешиваться в родственные отношения. Яра наверняка знает о наклонностях старушки. Поэтому и стушевалась там, на лестнице, вот и замяла разговор. А я – вот идиот! – поставил девушку в неудобное положение. Конечно, она поспешила от меня сбежать, естественно прекратила разговор. И, чтобы отвязаться от меня, согласилась? Или все же? Сама зайдет... А если не зайдет? Если просто хотела от меня отделаться побыстрее?

* * *

Понять бы...

* * *

Я смотрел на застывшие шеренги книг. Да, некоторым из вас исполнилось уже по полтысячелетия... И столько в вас мудрости, что всю жизнь можно читать любую, каждый день встречать новое, открывать дали и горизонты... На толкование одной малюсенькой фразы какой-нибудь еретик-отшельник потратил, небось, всю свою средневековую жизнь. Но ответа на один-единственный вопрос вы мне дать всё-таки не сможете.

И дело тут вовсе не в том, что вы глупы... Во все нет. Беда в том, что и я сам не смогу правильно задать этот самый вопрос. Чтобы задать вопрос, надо знать, как минимум, половину ответа. А у меня их целых два. Остаётся только гадать... Гадать? А это мысль!

Тяжеленный том, выезжая со своего законного места, ворчливо скрипнул кожей переплёта и обильно осыпал меня пылью. Ничего, лиха беда – начало! На любой странице... Какая строчка? А что загадывать?! Куда палец ткнёт. Запахло остро и грустно, как всегда пахнет от старых книг.

Итак... Что она сказала? Нет, не так: что она хотела мне сказать?

Том распахнулся почти на самой середине.

Строка. Читаем:

глазомъ не увид#ть пропушайте огненную р#ку

Нагадал, однако...

Было около одиннадцати, когда я покончил с бритьём. Конечно, офеням, как в старину называли на Москве книгопродавцев, совершенно всё равно, выбрит я или нет, но сегодня вечером...

Сегодня вечером! Напоследок я ещё раз посмотрелся в зеркало. Весьма симпатичный и отлично выбритый молодой человек. Славке тоже может быть всё равно, но мне спокойнее, когда на лице нет ничего лишнего. Мало ли что?

Рубашку я выбирать не стал: решил, какая попадётся, в такой и поеду. Закрыв глаза, запустил руку в шкаф. Рубашка попала – самая что ни на есть: вся в узорах, белая с розовым. Отлично!

Я как раз раздумывал: надеть куртку или положиться на ненадёжное осеннее солнце, с самого утра напоминающее, что однажды лето ещё вернётся, когда мои мысли прервал жуткий рёв, грянувший из-за входной двери. Как если бы в мусоропровод бросили ручную гранату. Я выронил куртку и замер. Затихающее дребезжание стёкол перекрыли крики, тоже вскоре утихшие. Раненые? Отбросив с дороги упавшую куртку, я рванулся к двери. И встал. Скользнула мысль: «А если это – только начало? И сейчас – кааак..!» Вспомнился эпизод из какой-то хроники происшествий. Сначала первый небольшой взрыв, а потом... Я прислушался. На площадке царило молчание. «В любом случае – надо...»

На площадке всё было спокойно. Запах гари не ощущался, стёкла были целы. Может, кто-то петарду в мусоропровод бросил? Хотя это какая же должна быть петарда?! На других этажах двери не хлопали. Странно. Казалось бы – выходной, люди должны быть... Может, тоже из-за дверей прислушиваются не дыша? Ладно... Тихо – и слава богу. Но стоило мне шагнуть к двери, как опять послышался грохот. Правда, теперь уже намного тише. Зато последовавшие, как и в прошлый раз, крики были громче. Судя по интонациям, кто-то ругался, но разобрать слова было невозможно. Народ у нас в подъезде мирный, пьющих вроде нет... Кто ж так загулял? Я прислушался и обмер: постепенно стихающая ругань доносилась из квартиры 221! Из Славкиной квартиры!

– Славка! Тьфу ты, Яра! Ярослава-а! Открой! – мягкая обивка двери гасила удары. Внезапно я перестал стучать. Почему-то вдруг представилось, что сейчас послышатся шаги, дверь откроется, и заспанная Ярослава уставится на расхристанного меня: «Существует звонок! И я же просила, не называть меня Славкой...» Я испуганно посмотрел на дверь. Воплей уже не было слышно. Вместо этого в недрах квартиры послышались шаги. Они приближались. Ага. Сейчас мне врежут. Выяснится, что пока Славка была в душе, телевизор...

И тут я покрылся холодным потом. Теперь точно знаю, что означает это пошлое выражение: когда тебе жарко и холодно одновременно. Шаги... Словом, это мог быть кто угодно, но только не Славка. Этот неведомо кто шёл медленно, с расстановкой, да ещё и шаркал. Выходит, там действительно что-то случилось?! Шаги приближались. Меня начало трясти. Что делать? Быстренько смыться? А вдруг Славке нужна помощь? Врезать тому, кто откроет? А вдруг это окажется не преступник? А тогда кто?

Пока рассуждал, шарканье прекратилось у самой двери. Могу поклясться, что я это почувствовал – кто-то разглядывал меня в глазок. Будто надеясь разглядеть стоящего за дверью, я уставился в выпуклую круглую линзу. Через несколько секунд линза посветлела. Одновременно с этим послышался щелчок и дверь открылась. За дверью никого не было.

На пороге я простоял недолго – кажется, несколько секунд. Коридор был пуст. Ступая неизвестно почему на цыпочках, я вошёл в прихожую и заглянул в тёмный угол за дверью. Никого. В самом коридоре спрятаться было негде: его обстановка ограничивалась рогатой вешалкой, уснащённой поношенной дублёнкой, и огромным – в человеческий рост – зеркалом. Какие-то бестолковые розовые обои в зелёный цветочек гармонировали с моей рубашкой, и от этого становилось очень неудобно. Снимает она квартиру, что ли?

– Яра! – я прислушался, но не уловил ничего, даже шума машин на улице. Тишина.

На кухне не оказалось никого, кроме мухи, упорно взбиравшейся по стеклу. Три или четыре флакончика на подзеркальнике в ванной. Миновав короткий коридор, я очутился в комнате. Надо же, опять розовые обои, вот неприятность. Но и здесь никого. Странно. Отсутствует даже возможный виновник шума – телевизор. Кровать, тумбочка, комод и два шкафа. Шкаф? Я быстро подошёл к тому, который был побольше, и распахнул створки. Полки с аккуратно разложенными вещами и постельным бельём исключали всякую возможность затаиться. Во втором шкафу оказались книги. Ничего особенного. Мой взгляд остановился на корешке толстого тома. «Мир Софии». Кто же мне открыл? Если внутри никого? Балкона

тут нет... А дверь – это я точно знаю – была заперта. Да и не мог же я неизвестно что принять за шарканье. Не почудилось же мне? Или...

– Ты что это, гадёныш, тут делаешь? – я вздрогнул. Снова холодный пот. Каркающий хриплый голос с жутковатыми обертонами. Я обернулся. Позади меня стояла сгорбленная чёрная фигура. Единственный раз я видел её, эту фигуру, и то – со спины. Но запомнил её на всю жизнь! Теперь вот и лицо Славкиной родственницы сподобился повидать. Лицо... Не лицо – бледное мертвенное пятно с чёрными отверстиями вместо глаз и рта. Только потом я сообразил – просто старуха встала как раз между мной и окном. А спустя мгновение – осознал, как выгляжу я, копающийся в чужих вещах! А лицо старухи и без контрольного света смотрелось неприятно: то ли чрезвычайно бледное, то ли густо набелённое, плоское, туго обтянутое кожей, с глубокими чёрными глазами, пылающими каким-то льдистым блеском. Старуха придвинулась ближе. Безгубый рот снова выплюнул:

– Тебе чего тут надо, милай? – и этот «милай» показался мне страшнее любой доселе слышанной матерщины: с таким наслаждением карга облизала это слово, с таким презрением, с такой насмешкой выплюнула... «Ведьма!» – пронеслось у меня в голове. И затошнило от того, что будет дальше... И от того, что она – она! – родственница Славки. Моей Славки! Неужели бывают на свете такие родственницы?!

– Вы... – попытался я и немедленно сорвался на хрип. – То есть, я шум услышал... И дверь была открыта... Я думал, что с вами... Или с Ярославой... Грабители...

– Ярославой? – старуха стояла уже вплотную ко мне – Ярославой?! Какой-такой Ярославой?! – она страшно повела голыми серыми дёснами, выдыхая прямо мне в лицо.

– Ну да... – я безуспешно старался отодвинуться от неё.

– А вот и нет здесь никакой Ярославы! – торжествующе пропела старуха. Она действительно как-то пропела эту последнюю фразу и вдруг, ни с того ни с сего успокоилась, отвернулась, отошла к окну и, словно с трудом, обернувшись, совершенно равнодушно сказала:

– А-а, вон оно что... А ну проваливай! А то худо будет!

И вот тут до меня дошло. И стало очень холодно. Ведь когда я рылся в книжном шкафу, я полностью загоразживал собою дверной проём. Значит, строго говоря, сейчас никакой старухи в комнате быть не может! Я неловко попятился и очень больно ушиб локоть о косяк.

* * *

Из прострации меня вывел дрожащий на столе мобильник. Мобильник мой. Стол – тоже мой. Значит, я дома. А вот как я сюда попал? И почему я, собственно, должен был как-то попадать к себе домой?

Я лежал на диване лицом в подушку и с отвращением ощущал, как прилипла к спине насквозь мокрая рубашка. Розовая с белым. Розовая... Под цвет обоев... Конечно! Вспомнил. И вовсе этому не обрадовался. Болел локоть. А эта родственница – она больная? Очень просится на язык слово «сумасшедшая», но почему-то оно казалось мне слишком страшным. Видимо, чересчур хорошо к ней подходит. Есть в этом слове... Господи, неужели бывают такие родственницы?! Да кто там всё не уймётся?!

Стараясь не отрывать лицо от подушки, я нашарил на столе телефон, поднёс к глазам... Да... Только Ромки мне сейчас и не хватало! Тем не менее, нажал приём. Разумеется, Ромка, Роман Витольдович – мой непутёвый коллега, был оглушительно пьян.

– Здорово, князь Мешко! Это я!

– А это – я... – настроения общаться совершенно не было.

– Как там моё Чертолье поживает? Черти не донимают?

– Слушай, ты чего хотел, а? – мне стало ясно, что разговаривать с Ромкой можно только приведя себя в состояние, аналогичное его собственному.

– Я? Ничего... Я только уз... узнать хотел, как тебе на моих маршрутах живётся. Как живётся? – он издал вопросительное мычание. Интересно получается, он не сам ушел? А его ушли? И он думает, что это я... Я его подселел?

– Хорошо живётся, просто замечательно мне живётся! – я начал выходить из себя. – Я иуда, подлец и скотина: турнул коллегу с двух его маршрутов и всячески благоденствую по этому поводу! – рывкнул я, и на душе почему-то стало спокойнее. Видимо, привычные неприятности всё-таки спасают от вновь прибывших.

– А ты не горячисссь... – икнул Ромка. – Не ори! А то я на тебя порчу наведу!

– Валяй. Только не забудь, что Алистер Кроули³ сказал. «В колдовстве трижды воздаётся за содеянное...», – я замолчал и прислушался. По-видимому, Ромка заснул.

В ванной я рискнул заглянуть в зеркало. Взъерошенная физия, выглянувшая оттуда, на подвиги не вдохновляла, скорее наоборот. Бывают такие моменты, когда случается позавидовать самому незавидному... Я, например, позавидовал Ромке.

* * *

В дверь позвонили. И кто бы это мог быть?

– *Приветка! – на пороге стояла светящаяся Славка. – Я не слишком рано?*

Водолазка из чего-то – в тканях я полный дилетант – очень тонкого обтягивала её фигурку, словно вторая кожа.

– *Знаешь, учитывая, что мы договорились... – я был немного смущён.*

– *Знаю. Просто мне не захотелось ждать вечера, – она улыбнулась. – Так мне можно войти?*

– *Заходи, конечно! Кофе?*

– *Лучше не надо!*

Славка вошла, непринуждённо поцеловала меня в щёку и прошла в комнату.

– *Что значит «лучше не надо»? – я прошёл следом.*

– *Я после кофе не знаю, куда себя деть: столько энергии сразу... Ух ты! Это всё – твои?! – глаза её вспыхнули. Славка с интересом смотрела на книжный шкаф.*

– *А чьи же! – не без гордости сказал я. – Моя библиотека!*

– *Вот это да! – Славка, забыв обо всём, читала, шевеля губами, названия на корешках; там, где их ещё можно было прочесть. – Сколько же им лет?!*

Она наклонилась к одной из нижних полок и водолазка, подавшись вверх, выставила на обозрение полоску... Полосочку...

– *По-разному... – я встал рядом с ней. – Вот эта, например – ровесница Екатерины Великой... А этим – всего лет по сто...*

– *Всего? – весело усмехнулась Славка и посмотрела на меня.*

– *Всего. А ты разбираешься в книгах?*

– *Нет... – тут она запнулась. – А вон та? Сколько ей лет?*

– *Вон той? – я указал на огромный иллюстрированный Апокалипсис на верхней полке, в самом углу, у стенки.*

– *Да нет, вот этой – её тонкий пальчик ткнул в невзрачную обложку соседнего фолианта.*

– *Этой – около пятисот лет, точнее трудно сказать – может и старше... Она рукописная, без даты.*

---

³ Алистер Кроули (англ. Aleister Crowley; урождённый Эдвард Александр Кроули (англ. Edward Alexander Crowley); 12 октября 1875 – 1 декабря 1947) – был известен как чёрный маг и сатанист XIX – XX века, один из видных идеологов оккультизма и сатанизма.

– Полтысячелетия... – одними губами прошептала Славка. – А можно посмотреть?
– Ещё бы! Сейчас... – я потянул тяжёлый том на себя. Посыпалась пыль.
– Слушай! Всегда хотела узнать, зачем на них на всех застёжки? – Славка нетерпеливо смотрела, как я осторожно стираю с обложки пыль.

– Ну, во-первых – для сохранности. Книги были толстые, тяжёлые, для укрепления переплёта делали застёжки... – я протянул ей протёртый том.

– Правда очень тяжёлая! – Славка покачала книгу на весу. – А во-вторых?

– А во-вторых, – если начиналась война или пожар, или если людям приходилось покинуть свой дом, книгу можно было застегнуть и бросить в колодец.

– И что?

– А потом достать и снова читать, как ни в чём не бывало!

Сначала она не поняла, что я имею в виду. Потом поняла, и глаза её округлились.

– Она же намокнет! – не поверила Славка

– А вот и нет! – я улыбнулся. – Эта книга пролежала в колодеце почти сто лет.

Намокла?

– Сто лет? Не может быть!

– Да. Потом колодец зарыли, вода ушла... А она так и осталась лежать. Деревня росла, потом на месте деревни стал дачный посёлок. А потом новый хозяин дома – мой отец – решил заново раскопать старый колодец и нашёл её. Вот так!

– Да-а... – Славка, кажется, была потрясена историей книги.

Она бережно раскрыла фолиант и попыталась читать...

– «На»... «Оу»... Ничего не понятно! – нахмурившись, сказала она с обидой в голосе. –

Это хоть по-нашему?

– По-нашему. Ей же пять сотен лет.

– А что здесь написано?

– Здесь написано такое, что... В общем, из-за этого её, наверное, и спрятали...

– Это что, колдовская книга? – глаза Славки снова вспыхнули. – Да?

– Точно. Это сборник древних заклятий и заговоров. Записал, должно быть, какой-то ведун, чтобы не позабыть... или наследнику передать. Очень редкая, кстати, вещь – такая книга... У нас на Руси всякие тайные знания из уст в уста передавали, писали очень редко. С грамотностью же беда была. И потом, ведь если с такой уликой поймают – сожгут без разговоров!

Славка, казалось, меня не слушала. Она смотрела в одну точку и немного раскачивалась под тяжестью раскрытой книги, а, может, под тяжестью веков, которые она в эту минуту держит перед собой...

– ...А я думала, у нас не сжигали за колдовство! – пришла она в себя, наконец. – Ведь у нас же инквизиции не было?

– Инквизиции-то не было, но за такую вот книжицу вполне могли и поджарить! Чародеям всюду несладко было. Хотя вообще-то в народе всякие заговоры и обереги очень уважали, они считались даже сильнее молитв. Молитву вообще и за серьёзное дело не считали. То ли дело – меловой круг, или, там, бегущее солнце на крыше⁴... А волхвы всякие...

– Знаешь, живи я тогда... Ну, лет пятьсот назад... Я, наверное, была бы ведьмой... Или... В общем, меня бы вполне могли сжечь, – Славка наполовину прикрыла глаза и стало казаться, что в них играет пламя свечи; книгу она прижала к груди. – А ты её прочитал?

– Так... читал... – сказал я, стараясь выглядеть равнодушным.

– Ну, и как? – Славка снова вышла из мечтательного оцепенения и испытующе взглянула на меня.

---

⁴ Имеется в виду многолучевая свастика, весьма популярная в русской народной резьбе по дереву.

– Впечатляет. Колдовство на все случаи жизни, от зубной боли до выселения нечисти.
– Здорово. Жалко, что непонятно написано... – грустно сказала она и надула губки. –
Кстати, я сегодня на Вернисаж собиралась. Посмотреть и всё такое... Если тебе сегодня
ничего делать, может, поедем вместе? Хочешь?

– Здорово, – обрадовался я. – Я ведь тоже собирался...

– Подожди меня, пойду, надену куртку.

Она вышла из комнаты. Я уже собирался было поставить сборник на место, но случайно взглянул на открытую страницу. Сначала я не поверил глазам. Поэтому посмотрел ещё раз. Так и есть: тынь жел#зный верей булатны на сто и дванадесать версть окомъ не окинуть глазомъ не увид#ть пропуцайте огненную р#ку...

* * *

Телефонный звонок оторвал меня от мечтательных размышлений и бесплотных попыток сесть-таки за работу. Это Цейтманберг возжелал поделиться ценной информацией. Рассказать о том, что же такое случилось с Романом на самом деле.

А оказывается дело было в спонтанном смотре, который не так давно нам закатил господин начальник. Владимир Леонидович устроил нам – четырёх наиболее перспективным сотрудникам – что-то вроде перекрёстного допроса: основные размеры древнерусских кирпичей, символические значения цветов в иконописи, зависимость положения пилястр по отношению к фасаду от времени постройки зданий дворцового и усадебного типа в XIX веке, и ещё масса вопросов подобного же рода.

В принципе – ничего сложного. Но был один нюанс: времени на обдумывание не полагось. Ни секунды. Успел сразу – успел. Нет – значит, не ответил.

Разумеется, ничем кроме очередной блажи это не было и быть не могло. Но, тем не менее, господин Морских обещал сделать свои выводы из результатов.

А результаты, естественно, были печальными. На первом месте разместился мой тёзка с Цейтманберг. На втором устроились Света Ларионова и я. Ромка оказался последним. Против блиц-обстрела вопросами не помогли ни мама, ни способность пышно излагать свои мысли.

Так оказывается, показав себя так неудачно, Рома начал чахнуть, вянуть, и вял до тех пор, пока не явился к Владимиру Леонидовичу. Видимо считал, что не оправдал, не выдержал и достойно по жизни не пронёс. Там он устроил страшный и нелицеприятный скандал, при котором, кстати, и присутствовал Цейтманберг. В котором он обвинил гада Морских в сговоре почему-то именно со мной с целью освобождения его от должности. Результатом стало Ромкино увольнение, тут уж не помогла бы ни мама, ни какие еще высшие силы. А оказавшись на свободе от своих не слишком обременительных обязанностей, он и вовсе покатился.

Но если все эти его рыдания и метания вполне можно понять и простить, то его претензии к моей персоне оставались для меня за гранью парадоксального. Дескать, я, грешный, знал все ответы заранее, «гад Морских» на проведение этого турнира надоумил тоже я, причём исключительно из желания получить Ромкину должность, лично для него, надо сказать, и придуманную. До его прихода методист нашей конторе по штату не полагался

Но эта теория не выдерживала никакой критики. Если я знал все ответы, то почему не стал первым, а занял почётное второе место, да ещё и пополам с кем-то? Если я способен надоумить Владимира Леонидовича, то зачем мне вообще участвовать в чём-либо, когда я и так имею влияние на начальство?

Но Ромка такие аргументы почему-то отметал. И не без удовольствия наблюдал, как после увольнения его подозрения начали подтверждаться. Правда, я и сам не понимал, как

попал из обычных экскурсоводов в Ромкины методические дебри, но это пусть остаётся на совести «гад Морских», как на моей останется то, что я его предложение принял.

Глава 4

Первый ярус Вернисажа⁵ с матрёшками и прочим сувенирным хламом остался позади. Мы начали уже подниматься по лестнице на второй – антикварный – ярус, когда Славка обратила внимание на шкуры.

– Вот это да! – Славка наклонилась над оскаленной головой рыси.

Какие-то угрюмые азиаты разложили кипу мехов прямо на ступеньках, оставив для прохожих узкую тропку, ограниченную с другой стороны лотком, оцетинившимся огромным количеством самых разнообразных ножей. Рысья морда, выглядывающая из груды, недобро щерилась на дамасские лезвия.

– Хороший зверь – мрачно сообщил Славке один из узкоглазых коммерсантов. Мне показалось, что она немного поёжилась, как от холода.

– Бери её! – буквально приказал второй, не менее мрачный кочевник.

Славка быстро взглянула сначала на одного, потом на другого – во взгляде было раздражение и что-то еще... такое, что вынудило обоих горе-продавцов потупить глаза и сконфуженно отвернуться.

– Пойдем отсюда, – шепнула мне Славка и, взяв за руку, потащила вперед.

– Здесь продаётся даже дым с костра Джордано Бруно – объявил я, когда мы оказались между двумя рядами деревянных ларьков второго яруса.

– Правда? – Славка недоверчиво покосилась на старинный водолазный шлем, нашедший временный приют между огромным деревенским сундуком и несколькими чеканными восточными подносами.

– Почти, – мы миновали ещё несколько ларьков и оказались перед вполне приличной витриной. – Вот смотри, это всё – из балканских гробниц.

Внутри стенда на верхней полке стояли глиняные лампы, украшенные изображениями бородатых лиц. Чуть ниже расположились потемневшие от времени кольца, монеты и неожиданно яркие стеклянные бусы.

– Смотри, прямо как новенькие, – Славка указала на бусины, покрытые абстрактным узором и в самом деле выглядящие так, словно их родина не древний Киев, а соседняя мастерская китайских умельцев.

– Новенькие? – усмехнулся в усы владелец всего этого богатства – здоровенный краснолицый дядька, пытавшийся до этого приладить к серебряной чаше для пуниша отвалившуюся ручку.

– Вообще-то, им около тысячи лет...

– Да ты что? – изумилась Славка. – А смотрятся – будто вчера сделали!

– Вообще, это не исключено... – шепнул я. Прямо в её чудесное ушко...

Мы шли мимо ковров и сёдел, наконечников от стрел и косовороток, икон, самоваров, монет, сервизов севрской работы и старинных телефонов, хомутов и подсвечников.

Мне вдруг показалось, что всё это добро – последствия какой-то катастрофы. Чудовищной катастрофы, вроде нашествия степняков или чумы. Когда немногие уцелевшие под градом стрел и в языках пламени распродают те крохи, что удалось вынести из пылающих домов или выкопать из заражённых могил.

Продают, чтобы выжить. Разница только в том, что люди за прилавками мало напоминают жертв стихийного бедствия.

---

⁵ Вернисаж в Измайлово – крупнейшая выставка-ярмарка предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел, сувениров и антиквариата.

Один средневековый путешественник писал, что в стране хазар женщины бедняков вынуждены продавать в рабство собственных детей... Но к этому их толкнула нужда. Хороши же эти, продающие память отцов и дедов!

Впрочем, у каждого свой хлеб. И не мне, кормящемуся от дедовской славы, их осуждать...

– Эй! Что за невеселые мысли, Мишкин? – голос Славки прервал мои размышления. – И... хватит столбик обнимать. Он этого всеравно не оценит.

Тут-то я и обнаружил, что, ухватившись за столб навеса, впился взглядом во вполне мирный катушечный магнитофон. Мрачные мысли разбежались под Славкиным взглядом.

– Работает? – указывая на магнитофон, неизвестно зачем спросил я у продавца.

– Конечно! – расплылся полупьяный мужичок в грязном свитере.

Он водрузил на своего мастодонта катушку, протянул ленту, что-то щёлкнуло и захрипело: «It's a happening...» Отвратительное кваканье динамиков окончательно вернуло меня к жизни... Славка?

Славка стояла у торца прилавка и перелистывала какую-то книгу. Я подошёл к ней сзади и, обняв, заглянул через плечо. Книга была не очень старая – что-то около ста лет. Владычский переплёт. Латиница. Непонятный язык.

– Берите, берите! – уговаривал Славку мужичок – Редкая вещь!

– Что скажешь? – поинтересовалась она, показывая мне книгу.

– А что это?

– Как это – «что»?! – возмутился почему-то мужичок – Я же говорю: Кафка, прижизненное издание!

Мы дружно расхохотались. Мужичок сразу выпустил иглы и занял, было, оборону, но в это время кваканье магнитофона сменилось шипением, а затем шелестом зажёванной плёнки. Мужичок тут же, забыв про нас, принялся самозабвенно отвоёвывать у своего непослушного монстра магнитную ленту.

* * *

Под навесом напротив выбор книг был куда больше. Это был даже не навес, а ларёк, который можно закрыть на ночь пластиковым ставнем. Правда, и сюда доносились то щелчки тумблеров, то ругань владельца уникального издания.

– Что интересует? – с отвращением спросил пожилой одноглазый книгопродавец.

– Мистика, – немедленно сообщила Славка.

– История, этнография. – добавил я, раскрывая пухлый том, оказавшийся библией времён Екатерины Второй, наделённой кучей недурных гравюр. Подражание немцам. Цена – копейки.

– Что-то было из этнографии... Кажется, Рыбников. Исторично нет. Мистика – может, и есть. Смотрите сами.

Продавец явно не был настроен помогать нам, и мы со Славкой принялись сами перелистывать книги одну за другой. Чаще всего попадались подшивки журналов и «Жизнь животных» Брэма, без которых не обходится ни одна груда книг ни на одном из прилавков.

– Слышишь? – Славка вдруг положила назад второй том «Песен» Рыбникова и замерла.

Я тоже отложил книгу и прислушался. Судя по тому, что ругань прекратилась, мужичок, наконец, нашёл общий язык со своим хтоническим агрегатом. Сквозь обычный шум толпы покупателей был слышен только тихий, словно далёкий звук скрипки. Очень знакомый звук...

– Она? – одними губами спросила Славка.

– Кажется...

«...Je saurai le seuil au bruit de la grille rouille» – задрожало над толпой продающих и покупающих – «L'endroit du puits sous les tilleuls On y buvait des jours d'ete...».

– Кстати, она кое о чём мне напомнила! – сказала вдруг Славка – У меня тут есть одно небольшое дело...

Её глаза вдруг сверкнули.

– Ты ведь хорошо знаешь Вернисаж? – лукавая улыбка заиграла на Славкиных губах.

Хорошо ли я знаю Вернисаж? Что она имеет в виду?

– Вообще-то, я облазил тут всё сверху донизу раз двести...

– А хочешь, я покажу тебе одно место, где ты ещё никогда не был?

– Сомневаюсь, что такое существует.

– Посмотрим...

Она взяла меня за руку, словно ребёнка, и повела вдоль рядов. Граммофоны сменялись кучками позеленевших от времени складней⁶ и крестов. Копии парадных СС-совских кортиков возникали вслед за связками платков и салонов.

Наконец мы остановились почти в самом конце яруса, возле ларька, наглухо закрытого металлическим ставнем.

– Ну? – всё с той же улыбкой торжествующе сказала Славка.

– Что – «ну»? – не понял я. Впрочем, этот ларёк я знал.

Где-то около двух лет назад я вот так же, как сейчас, бродил по развалу. Правда, один. Тогда ставень был поднят, а за прилавком стоял молодой длинноволосый парень в старомодных больших пластмассовых очках. Слишком молодой для того, чтобы быть офеней. Но несколько – всего-то две или три – книги, лежавших перед ним, почему-то привлекли моё внимание. И я, отчасти из любопытства, но более всё же из стремления поддеть «юношу бледного со взором горящим», спросил, нет ли у него старопечатных изданий. «Сейчас подсунет мне начало девятнадцатого под видом семнашки» – подумалось мне – «Причём не со зла, а потому, что его самого надули!»

То, что произошло дальше – не укладывается у меня в голове и теперь. Кивнув, продавец раскрыл одну из книг. Чуть голубоватая бумага. Печать в два столбца. «...и великого князя Фёдора Иоанновича...»⁷ Я проглотил слюну. Главное – дать понять, что эта книга ценности для меня не представляет... И вообще – не представляет ценности. Может, свежёт...

– Сколько? – я потрогал бумагу. Оно.

– Пятьсот зелёных, – равнодушно ответил парень.

«Не знает!» – у меня засосало под ложечкой – «Он не знает, что это за книга! И какая ей на самом деле цена. Как тебя сюда занесло, лопушок?» Помню, у меня всё сразу как-то окаменело внутри. Надо дать ему понять, что книга – ерунда... Ведь он сейчас по моим глазам прочтёт, какая ей настоящая цена... И тогда... О Фёдоре Иоанновиче можно будет спокойно забыть. Это же очень просто: «Простите, я оговорился, – пятьсот тысяч...»

– Извините, – я сделал вид, что у меня зазвонил мобильник и зашагал в сторону выхода.

А когда через пятнадцать минут, которые дались мне с невероятным трудом, я, подготовив равнодушное, слегка снисходительное выражение лица, вернулся, оказалось...

Когда я вернулся, ставень ларька был опущен. Похожий на мумию, длинный и тощий дядька из соседнего ларька понятия не имел, надолго ли отошёл продавец и когда вернётся.

⁶ СКЛАДЕНЬ, складная икона из двух (диптих), трех (триптих) или нескольких (полиптих) частей.

⁷ Фёдор I Иоаннович, известен также по имени Феодор Блаженный, (11 мая 1557, Москва – 7 января 1598, Москва) – царь всея Руси и великий князь Московский с 18 марта 1584 года, третий сын Ивана IV Грозного. Книги XVI века сегодня являются большой редкостью, редко продаются и ценятся очень дорого.

Ставень был опущен и в следующие выходные, и через две недели... Ни разу с тех пор я не видел его поднятым. Я терялся в догадках, что произошло с незадачливым парнишкой в старушечьих очках. Может быть перепавшую ему случайно книгу кто-то приобрёл за настоящую цену, тем самым избавив его на несколько лет от необходимости заниматься чем-либо? А потом я понял, что это была моя «зелёная дверь». Дверь, которая лишь один раз распахнулась для меня, и только для меня. И больше никогда уже не откроется снова.

Закрыта была она и сейчас.

– Что – «ну»? – спросил я Славку. Солнце спряталось. Поднявшийся ветер был уже по-осеннему пронизывающий: совсем не холодный, он, однако, пробирался сквозь любую одежду и словно бы выстуживал кости изнутри. Я поёжился.

– Мы пришли, – Славка безмятежно улыбалась. – Зайдёшь со мной или подождёшь здесь?

– Зайду куда? – не понял я. – Насколько я знаю, в закрытых ларьках не торгуют – я тоже улыбнулся.

Славка не ответила. Она подняла руку и несколько раз провела пальцем по ребристой поверхности ставня. Вверх и вниз. Получилось очень похоже на ритм песни. Той самой песни. Там, та-та-та-там... Как же она называется? И кто её пел? В который раз я судорожно попытался вспомнить...

И тут произошло невероятное: опущенный до земли ставень, снаружи выглядевший как запертый, вдруг приподнялся! «Всего-то!» – пронеслось в моей голове – «Как всё, оказывается, просто!» И только после этого: «Кто же торгует с закрытым ставнем?!»

– Ты идёшь? – Славка уже наклонилась, собираясь пройти внутрь.

– Иду! – кажется даже не сказал, а крикнул я.

Ставень вновь опустился. Прежде всего, внутри было очень тепло. Старый круглый рефлектор, которому уже недолго оставалось до того, чтобы самому стать антиквариатом, тускло светил из угла своей багровой спиралью. Кроме того, на прилавке, среди груд бог знает чего, ярко горела настоящая керосиновая лампа. Электричества в ларьках почему-то не полагалось, но и горящую лампу видел тут впервые. Хотя странным такое освещение мне не показалось. Чем ещё всё это осветить? Сладко пахло благовонными свечами.

– Ни Хао! – я посмотрел на Славку. Если бы я не видел движения её губ, я бы решил, что странные слова сказал кто-то другой – такой странной, непривычной была её интонация и даже сам тембр голоса.

– Добрый день, – прозвучало откуда-то со стороны рефлектора.

Я уставился в угол. И как я не заметил! В углу на мешке сидел мужчина. В жёлтом свете лампы его смуглое лицо сливалось с цветом деревянной стенки. Раскосые глаза, странный выговор... Китаец?

– Я пришла за тем, что вы мне обещали, – несмотря на то, что Славка говорила по-русски, её голос звучал странно. Глухо.

Мужчина поднялся на ноги. Ростом он был чуть ниже Славки.

– Конечно! Да, да! – китаец говорил с сильным акцентом. Он принялся шарить в большом ящике, стоявшем в другом углу.

Я осмотрелся. Вокруг всё было заполнено предметами настолько несочетающимися друг с другом, что даже здесь, на Вернисаже, их соседство казалось диким. Какой-то заспиртованный уродец в банке стоял на одной полке со статуэткой Авалокиты (Авалокитешвара (санскр. अवलोकितेश्वर Avalokiteśvara IAST, «Владыка взирающий») – в буддизме – бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех Будд. Атрибут – веер из хвоста павлина.). Бодхисаттва выдавал себя бесчисленными глазами на ладонях. В лицах обмотанного пуповиной белесого эмбриона и Великого Сострадающего прослеживалось определённый

ное сходство. «1897» – разглядел я на этикетке уродца. На прилавке среди прочего мне попала на глаза небольшая нефритовая статуэтка буйвола, стоявшая рядом с небольшой скривившейся набок серебряной менорой⁸. На лбу между рогами была вырезана восьмиконечная звёздочка. В глубоких линиях, обозначающих поджатые ноги животного, скопилась коричневатая грязь.

– Вот! – прервал мои наблюдения голос китайца. Он с легким поклоном протягивал Славке небольшой газетный свёрток.

– Спасибо, – голос её по-прежнему звучал глухо. В ответ китаец разразился длинной почтительной тирадой на своём родном языке. Зашиуршала газетная бумага. Что-то блеснуло золотисто-зеленоватыми искрами в тонких Славкиных пальцах. Я сделал шаг вперёд. В руках она держала тонкую золотую цепочку, на которой сверкала маленькая хризолитовая капелька.

– Себе вешать. Очень будет хорошо! Всё поможет... – ласково говорил китаец.

Неожиданно я понял: он уже обращается ко мне.

– А вам? Что вам понравится?

Я посмотрел на продавца: он заискивающе улыбался. Между тем глаз его в свете лампы видно не было. Это производило неприятное, гнетущее впечатление. Я опустил взгляд. Восьмиконечная звезда на лбу буйвола. Нефритовый буйвол на несоразмерно большой, широкой и высокой подставке...

Подставке?! У меня похолодели кончики пальцев. Книга! Да нет, не может быть. Два года прошло. Два...

– Бык! Хорошая бык! – сообщил продавец – Нравится бык?

– Что случилось? – шёпотом спросила Славка, обняв меня за плечо. На её груди поблёскивала хризолитовая капля. – Миш, тебя колотит. Что с тобой?

– Книга... – только и смог сказать я.

– Нет! – неожиданно резко сказал китаец – Книга – нельзя!

– А в чём дело? – я постарался придать голосу твёрдость – Почему нельзя?

– Бык можно, – уже спокойнее ответил китаец. – Хорошая бык, можно недорого бык. Книга – нет, нельзя! – он сделал отрицательный жест рукой.

Славка погладила меня по спине, и я почувствовал, как проходит дрожь.

– Но всё-таки, почему нельзя? Если товар на прилавке, значит, – он продаётся... – сказал я уже совершенно спокойно и посмотрел на Славку. Она опустила глаза и взяла меня за руку.

– Нельзя. Книга... Книга... – продавец явно подыскивал слово. – Не ваша. Раньше – можно. Теперь – нельзя. Не ваша.

– Что значит – не моя? Её купили?

– Не расстраивайся! – шепнула мне Славка в самое ухо. – Может быть, ещё повезёт...

– Купили! Купили! – радостно согласился китаец. – Хорошие деньги! Купили! До свиданья! – вдруг закончил он фразу.

После тёплой каморки мне показалось, что на улице настала зима. Небо окончательно затянуло облаками. Погода портилась. Утреннее солнце всех обмануло.

Мы быстрым шагом шли к боковому выходу с Вернисажа. Обнявшись. Вернее, Славка обнимала меня. Она что-то спокойно говорила. Не помню, что именно, но её слова звучали как музыка. Тихая, нежная, но очень сильная музыка. Мне даже кажется, она говорила стихами: «Может, это – прямо завтра, То, что будет выше книги? Может, это – прямо завтра? Но пока – никто не знает...»

⁸ Семисвечник. Является одним из древнейших символов иудаизма и еврейских религиозных атрибутов.

У меня перед глазами всё ещё стояла последняя увиденная в лавке картина: хозяин – маленький китаец – демонстративно отвернувшись вполоборота, надевает очки и делает вид, что погружается в какой-то конторский кондуит... «Может, это – прямо завтра? Но пока – никто не знает...»

Уже возле самых ворот я почувствовал что-то неладное. Славка остановилась. Две невысокие фигуры преградили нам путь.

– Ты! – я узнал голос одного из азиатов, что торговали пушиной на ступенях между ярусами. Как они все похожи друг на друга! Не заговори он... Я весь напрягся. Сейчас что-то будет...

– Возьми её!

Я уже был готов к самому худшему... Но только не к тому, что произошло дальше. Кочевник опустил на колени и протянул Славке ту же самую рысью шкуру.

– Бери! – приказал второй.

Недобрые голоса, лица без выражения. Они делают то, что – хотят они того или нет – они должны сделать.

– Гунду сараван дуу дуу хум. Бажар аюки сууха⁹!

Я посмотрел на Славку...

* * *

Страница, выскользнув из-под пальца, медленно перевернулась. Двести пятьдесят какая-то. Жидкие осенние сумерки наполняли комнату. И книга почти на середине. Что за книга-то? Биография Григория VII¹⁰? Ничего себе развлечение. Вспомнить бы хоть строчку...

Постепенно сгустилось ощущение тревоги. Как будто собирался что-то сделать, но забыл, что именно. Что? Надо попытаться вспомнить. Значит так. Пришёл в себя. Резко, словно нажали кнопку. Кстати, а от чего я пришёл в себя? Господи! Ведь звонили в дверь!

Я вскочил. И сразу же навалился страх. Пока мою спину прикрывало кресло – было спокойно. Теперь, без этой поддержки, идти открывать дверь совсем не хотелось. Представилась полутёмная площадка за дверным глазком и сумасшедшая старуха, крадущаяся к моей двери. Мои плечи передёрнуло от страха.

В тишине снова послышался звонок. Славка! То есть, Яра. Она же обещала зайти! Я бросился в прихожую.

В глазок было видно только площадку и часть лестницы. На душе сразу стало легко: никакой старухи там не было... Впрочем, не было и Яры. Мальчишки хулиганят? Скорее всего. Я постарался вспомнить, как выглядит паренёк с пятого этажа и сам не заметил, как оказался в комнате. Взгляд снова упал на книгу. Что мне вздумалось читать про Григория?

В дверь позвонили. Ну, всё... Буквально через пару секунд я опять был в прихожей. Ещё мгновение, чтобы открыть замок, и...

Но за дверью стояла Ярослава. Короткая кожаная курточка и воздушный разноцветный шарфик.

– Привет, – она неуверенно улыбнулась – Не отвлекаю? Я обещала зайти... – в её последних словах послышалась странная вопросительность.

---

⁹ В шаманистских верованиях народов Сибири – одна из формул призывания Абая Гесэра, который почитается как божество войны и как универсальное охранительное божество.

¹⁰ Григорий VII (1020/1025 – 25 мая 1085) – папа римский с 22 апреля 1073 по 25 мая 1085. Боролся за политическое преобладание в Западной Европе с германскими императорами, но в конце жизни был изгнан из Рима и умер в изгнании. Сторонник ужесточения церковных правил и полного целибата.

– Конечно. Мы же договорились... – я посторонился, пропуская её внутрь – Сейчас, я уже готов... Почти...

* * *

– Яра... – я замялся, хоть уже готов был спросить её о старухе. «Не порть вечер!» – словно прошептал кто-то в моей голове: – Яр, а... ты снимаешь квартиру? – наконец спросил я, чтобы нарушить затянувшуюся паузу.

– Да. Я вроде говорила тебе, – от Яры, кажется, повеяло холодком.

– Извини, не помню, – я неловко улыбнулся. Решил исправить ситуации и сказал первое что пришло в голову. – Ты потрясающе выглядишь. Я – счастливчик. Пойдем?

Глава 5

Как и всегда перед началом концерта, в зале стояло густое пчелиное гудение. И так небольшой, сегодня вечером Рахманиновский зал казался совсем крошечным. Меня не оставляло ощущение, что концерт проходит не в консерватории, а на чьей-то кухне. Вместо своеобразных густо набелённых музыкальных старух в париках, без строгого присутствия которых не обходится тут ни одно выступление, в проходах сновали бородатые неухоженные люди в рваных свитерах и кожаных куртках. Когда все кресла оказались заняты, они, ничтоже сумняшеся, располагались на подоконниках и даже просто на полу. От этого, а так же от обилия камер и микрофонов, ощущение нелегальности происходящего только усиливалось.

В высокие старинные окна нещадно сквозило. Мокрая и тёмная вязкость растекалась по стёклам. А здесь – сияющая люстра на девственно белом лепном потолке. Камеры, свитера, лепнина и сквозняк... Казалось, будто мы очутились где-то вне времени.

Я посмотрел направо. Ярослава, тонкая и стройная, замерла на соседнем кресле, глядя куда-то чуть выше импровизированной сцены. А на шее Ярославы – цепочка, и хризолитовая капля на её груди казалась совсем зелёной. Стоп! Хризолитовая капелька?

– Этот кулон у тебя давно? – шёпотом спросил я.

– Нет, недавно...

Слева кто-то засопел. Здоровенный парень с волосами, убранными в хвост и в бесповоротно замызганных кроссовках, пристраивал на полу белый пакет с чем-то тяжёлым. Я присмотрелся. Обычный электрический счётчик... Да, интересная тут нынче публика!

* * *

Машину я решил оставить в Кисловском: случайно освободившееся у обочины место – большая редкость в центре. Лобовое стекло сразу же покрылось сверкающими бисеринками капель.

– Вот видишь, совсем не больно – улыбнулся я.

– Всё равно тяжело... – Ярослава вздохнула – Всё время боюсь, что-нибудь случится.

Сегодня она решила пересилить свой страх и впервые за много лет заставила себя сесть в машину.

– Вот так и преодолевают фобии. Это называется – «метод погружения».

Ярослава дышала так, словно только что прокатилась не по обычной улице, а сделала круг на «американских горках». В глазах застыли слезы. Я протянул руку и погладил ее по голове.

– Яр.

– Просто, – ее губы слегка задрожали, – мои родители. Они погибли в аварии. Мать решила навестить в Воронеже сестру. Юбилей был. Мама и папа ехали на машине, а дальнобойщик уснул за рулём... И, – я видел что сейчас она заплачет. И что делать, что говорить? Никогда не знал, как вести себя в таких случаях. Но она просто и непосредственно обняла меня, уткнулась мне в грудь и затихла. Затем подняла на меня уже сухие глаза.

– Я в порядке. Пойдем. Знаешь. Наверное, я не смогла бы поехать... Если бы за рулём был кто-то другой...

* * *

Зонта не было. Но дождь, казавшийся сильным из салона, на деле оказался лёгкой осенней моросью.

Я оглянулся назад. Среди современных импортных авто моя «пятёрка» смотрелась даже как-то экзотично. Извозчичий полк среди «лендроверов» и «тойот».

* * *

Дождь зарядил в полную силу как раз в тот момент, когда мы скользнули под арку. Я был прав: на Никитской – ни местечка. Две тёмных стенки вдоль тротуаров.

– Смотри, – сказал я – И они все – сюда! Если повезёт, сможем удобно расположиться на своих ногах в районе последнего пролёта лестницы.

Ярослава недоверчиво кивнула, а потом засмеялась. Влажная потемневшая прядка перечеркнула её лоб. Конечно, пошутил. Народу в зале оказалось куда больше...

* * *

Если бы один из зрителей расположился на люстре – я бы не удивился. Чего там, просто занял свободное место. Яра нашла мою руку и накрыла её своей. Тёплая, нежная ладошка... Мы сидели почти в самой середине, возле прохода. Третий или четвёртый ряд. Когда мы только вошли, во всём зале пустовали лишь эти два кресла. Словно ждали именно нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.